

«Церковь Софейская», которую Хемницер стремился прежде всего увидеть, показала ему «сокровищем архитектурным». Несмотря на то что вход в храм был платный, присутствие там строго лимитировалось турецкими сторожами. «Не дадут хорошенько насмотреться, а так и погоняют: вон, да вон <...> Согрешил я тут против турок: пожелал весьма искренно, чтоб их самих можно было из этой церкви когда-нибудь вытурить». Три магометанские мечети, «не малой огромности», также произвели на Хемницера впечатлительные своим величием. Кроме того, он осматривает арсенал, правда, только снаружи, где хранится «Магометово знамя», и посещает большую залу «дивана везирского», в которую приходят челобитчики, и «все департаменты собраны воедино». «Место это можно с нашим сенатом сравнить» (54—55), — замечает он. Привлекла внимание Хемницера богато украшенная шляпка его султанского величества и адмиралтейство с разбросанными бревнами и пушками без лафетов.

Константинополь снабжался водой, поступающей в город по водопроводам, построенным еще при императоре Юстиниане. «Водоводы сии существованием своим, почти невероятным, одолжены римскому имени, ибо их с тех пор почти не починивали. Вода, по верху их текущая и капающая по стенам, и между камней по сводам просачивающаяся, составила во многих местах целые глыбы stalactita или капельника, коего я глыбу с собою взял» (401), — отмечает Хемницер в дневнике. Улицы и базары турецкой столицы вызвали у него гнетущее чувство. Торговые ряды темны и узки, на грязных улицах (самая широкая — 6 шагов, а самая узкая — 2) всюду валяется падаль, а на заборах собираются сотнями кошки, которых кормят потрохами. В городе множество кладбищ, являющихся для турок излюбленным местом гуляния. «Да полно, что кому по сердцу и по душе» (55—56), — тут же усмехается Хемницер.

По русской традиции, он называет Константинополь Царьградом. Однако в дневнике записывает: «Мне кажется, что российским словом Царьград все сказано, что только сказать о таком месте можно: но, по нынешнему строению и образу жизни людей, можно справедливее сказать Царь-место» (400). Он приводит Львову курьезный случай с английским путешественником, который, «не сходя с корабля своего проехал канал до самого устья его черноморского, поворотил и проехал Царьград вторично, и совсем опять в Белое море убрался; а в Царьград ни ногой, чтобы после большого прекрасного зрелища не увидеть низкое и гнусное игрище» (56—57). Босфор и Дарданеллы потрясли воображение Хемницера.

«Канал Цареградской! что это за вид! ...описать не можно: а надобно его чудо видеть» (52), — сообщает он Львову. Однако в дневнике баснописец сумел колоритно, емко, почти с операторской выразительностью дать картину «величественного вида» пролива, соединяющего Черное море с Мраморным и Мраморное со Сре-